

ГИБЕЛЬ ГОРЕЛЬНИКА

1

Я много и часто думаю о прошлом, и с каждым годом все чаще. Это, конечно, возраст. Но особое место в моих воспоминаниях занимают горы и, в частности, день гибели турбазы Горельник. Этот день я разложил в своей памяти по минутам.

Начало лета 1973 года выдалось в Алма-Ате холодным и дождливым, а в зоне высокогорья - снежным. Запас влаги на ледниках был очень велик, и когда, уже в июле, прохлада и облачность резко сменились небывалой жарой и палящим солнцем, горные реки буквально взбесились. К вечеру вода в них становилась желто-бурой и, находясь у самой воды, я не слышал даже собственного голоса, такой стоял рёв.

Утром 15 июля, а это было воскресенье, я принял дежурство по турбазе Горельник о чем и отрапортовал директору турбазы - мужчине лет сорока по фамилии Счастливый (имени и отчества не помню). Тогда он казался нам, молодым инструкторам горного туризма, пожилым человеком, ничего

не смыслящим в горах. Вообще-то дежурный инструктор по уставу должен докладывать не директору (который ведал больше хозяйственными вопросами), а старшему инструктору турбазы, но где-то дня за 2 - 3 до описываемых событий старший инструктор турбазы Горельник мастер спорта СССР по горному туризму Сергей Пугачев ушел на маркировку нового маршрута на озеро Иссык-Куль и вернуться должен был не ранее 17 июля.

Отсутствие старшего инструктора в эти 5-6 дней в принципе не осложняло работу турбазы, так как по графику ни одна группа не должна была в это время выходить на маршрут (выпускать на маршрут туристскую группу входило в обязанности старшего инструктора). В эти дни на турбазе Горельник был период заезда-отъезда туристов. В основном это были организованные группы старшеклассников 15-17 лет, как правило, в сопровождении преподавателей физкультуры. Это были и алматинцы и дети из других городов Казахстана и школьники Новосибирска, Омска, Томска...

И в тот роковой день все шло по плану. После утренней линейки, на которой отъезжающим туристам вручили удостоверения и значки «Турист СССР», был завтрак и работа по группам. В группах было в среднем по 30 человек, работали с группой инструктор горного туризма и закрепленный за каждым инструктором стажер.

Стажерами называли тех, кто закончил полный 1-годичный теоретический курс в школе инструкторов горного туризма, сдал экзамен по теории и прошел зачетный 10-дневный маршрут не менее 3-б категории сложности (всего категорий 5). Успешно пройдя стажировку в течение всего туристского сезона и получив положительный отзыв от инструктора и старшего инструктора турбазы, стажер решением экзаменационной комиссии получал звание «Инструктор горного туризма СССР», ему вручалось соответствующее удостоверение и нагрудный знак.

Как и в военные годы, турбаза Горельник продолжала оставаться базовой для школы инструкторов горного туризма. В начале семидесятых руководил школой ве-

теран Великой Отечественной Войны, заслуженный мастер спорта СССР по горному туризму и альпинизму Виктор Матвеевич Зимин. Работали здесь и другие ветераны, мастера спорта СССР: Е. Колокольников, В. Попков, В. Колодин, В. Степанова, У. Усенов и другие. Многим из них в 1973 году было уже за 60 лет, но это были люди из гранита и стали.

Но вернемся к воскресенью 15 июля. Примерно к 2 часам пополудни моя группа, которую я благополучно привел с маршрута в пятницу 13 июля, в полном составе вместе со своим физруком спустилась на Медео и далее на железнодорожный вокзал к поезду Алма-Ата - Караганда. Одновременно турбазу покинули ещё 3 группы школьников, а на их место заехало около 100 человек новых туристов, большинство из которых впервые в жизни видели горы. После обеда новых заездов не планировалось, но к ночному поезду должна была отбыть группа инструктора по имени Валера (фамилию, к сожалению, вспомнить не могу). Перед тем, как покинуть турбазу, туристы должны были сдать на склад

все, полученное ими походное снаряжение: спальные мешки, штормовки, горные ботинки и прочее, и забрать из камеры хранения сданные туда личные вещи. Обычно это мероприятие проходило организованно: инструктор (а чаще стажер) собирал группу на плацу, проверял по списку наличие вещей, предназначенных для сдачи, и вел туристов на склад. Все эти склады, вещевые и продуктовые, и камера хранения располагались в нижней части территории турбазы там, где сейчас проходит асфальтированная автомобильная дорога на Чимбулак. Это обстоятельство, как будет видно из дальнейшего повествования, сыграло трагическую роль в судьбе группы.

Пока же мы обедали, размещали вновь прибывших по корпусам, занимались собственными бытовыми проблемами, как-никак это было воскресенье - выходной день. Таких дней, когда происходил массовый отъезд-заезд туристов, и на маршруте в горах находилось не более 2-х групп, в месяце было 2 - 3. Именно в эти дни мы, инструкторы, встречались на турбазе в почти полном составе, и было принято эти встре-

чи отмечать шашлыком с пивом, естественно, после отбоя и вне территории турбазы, обычно на поляне, на противоположном берегу реки Малая Алмаатинка. Здесь устанавливался мангал, было оборудовано кострище, иногда ставили 2-3 палатки Кто-то отвечал за шашлык, кто-то за пиво, другие за культурную программу (гитара, песни), но общую ответственность за всю организацию вечера нес дежурный инструктор, в тот день это был я. Нередко на таких мероприятиях бывали и гости, наши друзья и подруги из города, которые еще днем заезжали на эту поляну на мотоциклах и ставили там палатки.

Приготовление к вечеринке шли своим чередом, каждый выполнял то, что ему было поручено, но где-то в пятом часу дня выяснилось, что пива на турбазе нет. Выход - спуститься на Медео, хотя далеко не факт, что в этом единственном на все Малоалма-атинское ущелье магазинчике пиво будет. Не долго думая, я передал повязку дежурного инструктора своему стажеру (что допускалось), молодому 20-летнему парню молдаванину по фамилии Гроза (имя за-

был). Два его старших брата Михаил и Ян также работали на турбазе инструкторами и заодно фотографами.

До Медео я добежал за какие- то 30 минут, и как же приятно я был удивлен, когда узнал, что пиво в магазине есть, что его только что завезли, и что это Жигулевское пиво с пивзавода № 1 - лучшее в городе. Проблема была лишь в том, что мужики (и не только) целый день просидевшие у магазина в ожидании пенного напитка, сейчас брали его штурмом. И снова мне повезло - за прилавком в этот день стояла тёща одного из наших стажеров. Все, что мне надо было сделать, это передать ей свой рюкзак пустым и принять его же с заднего крыльца набитым под завязку. А рюкзак- то был «абалаковский» и вошло в него ни много ни мало - 45 бутылок плюс кое что по мелочи. Помню, что звали этого стажера Саша, и фамилия у него была немецкая, и был он в это время на маршруте, где-то на Иссык-Куле. Теща Саши (имени её не помню) попросила меня передать ему кое-какие личные вещи, в том числе фотоаппарат «Зенит 3-М.».

И вот, взвалив на себя этот рюкзак и повесив на шею фотоаппарат, я двинулся обратно на турбазу. Асфальтированной дороги на плотину в то время ещё не было, (вернее, она только строилась), да и сама плотина была метров на 30 ниже, чем теперь, более того, её отсыпка полностью ещё не завершилась, и в западной части, под горой Мохнаткой, на участке длиной метров 50, зиял проран глубиной 3- 4 метра. Но на самом верху плотины уже стояло только что отстроенное кафе «Ласточка», оно и ныне там, но ниже уровня нынешней плотины на те самые 30 метров. Проходя мимо этого кафе, я и не подозревал, что уже через несколько часов оно станет местом дислокации противоселевого штаба во главе с Д.А.Кунаевым. Но пока у меня была только одна цель - поскорее добраться до Горельника.

Известно, что плотина «Медео» была создана (вернее, начала создаваться) двумя направленными взрывами в 1966 году. Ещё до взрывов реку Малая Алма-Атинка на участке будущей плотины пропустили через огромный туннель, затем на этот тун-

нель легла плотина. Никаких других водосбросов в теле плотины тогда не было. Видимо, считалось, что каким бы мощным ни был сель, такой большой туннель ему полностью не перекрыть, а после умиротворения стихии можно будет этот туннель заново расчистить. Но стихию явно недооценили. Сооружение было колоссальное, но не совершенное. Конечно, сейчас легко критиковать создателей плотины, но тогда уже сам факт её существования спас тысячи, десятки тысяч жизней, да и сам город Алма-Ату. Только вдумайтесь: приурочить окончание строительства плотины к прохождению селевого потока такой мощности, какая бывает в этих местах раз в 300 лет! Воистину, Всевышний хранит наш город!

Но в тот воскресный вечер я менее всего думал о противоселевых качествах находящейся под моими ногами плотины. Включив форсаж, я пер на эту самую плотину, где по дороге, где в лоб с грузом в 45 кило, что, впрочем, было для меня делом привычным. Навстречу мне потоком шли алма-атинцы: загорелые, весёлые, отдохнувшие,

с рюкзаками и сумками, с детьми и собаками, с охапками цветов и специально собранных лекарственных трав. Люди шли не спеша, было то всего около шести часов вечера, и они прекрасно знали, что внизу, на Медео, их ждут в стройном ряду комфортабельные «ЛАЗы», что стоячих мест в них нет - всем найдется удобное, мягкое сиденье. Да и куда спешить-то, в городе жара, духота, раскаленный асфальт. А здесь...

А здесь, в каких то 15 километрах вверх по ущелью, на высоте 3500 метров, на леднике Туюк-Су уже рушились ледовые берега двух моренных озёр с более чем полумиллионном кубометров талой воды. И словно не веря, что ей дали свободу, вода эта, вначале медленно, но все быстрее и быстрее, стала уходить в растущие на глазах трещины и, наконец, рухнула в гигантский провал, смывая тысячетонные скалы, и, вопреки всем законам физики, неся их на гребне гигантской чёрной волны, словно детские мячики.

А весёлые люди с рюкзаками и цветами всё шли и шли вниз по дорогам и тропинкам, не убыстряя шаг. А я шел им на-

встречу, предвкушая веселую вечеринку на лесной поляне, и не зная, что уже через 5 минут она будет стерта с лица земли вместе со столетними тянынанскими елями, мангалом, палатками, мотоциклами и нашими, ничего не подозревающими, друзьями и подругами.

Роковое движение началось, и предотвратить ЭТО было уже невозможно. Чудовищный грязекаменный вал набирал скорость железнодорожного экспресса, входя в каменные « Ворота Туюк-Су».

Судьба отсчитывала последние минуты. Я шел по верхней дороге траверсом левого склона ущелья в ста метрах над рекой, когда, даже не ногами, а всем телом своим ощутил дрожь земли. Нет, всё ещё оставалось на своих местах: на нашей поляне, как на ладони, я видел палатки, маленькие, словно игрушечные фигурки людей; такие же фигурки, как муравьи, двигались по нижней дороге вдоль самой кромки воды. Но над всем этим уже стремительно вздымалось гигантское желтое облако пыли. И не успел я задать себе вопрос: «Что это?» - как принял удар, от которого подкосились

ноги, а там, где должна была быть турбаза Горельник, взметнулся стометровый, чёрный, пронизанный молниями, столб селя и, как в замедленном кино, со всеокрушающим грохотом и рёвом рухнул на всё, что было внизу: лес, поляну, реку, людей...

Это был головной селевой вал, который со скоростью 120 километров в час вошел в лобовое столкновение с мощным противоселевым сооружением, построенным ещё лет десять тому назад у самой турбазы. Сель в мгновение ока вырвал из земли вместе с многометровым бетонным основанием всю

эту громадную стальную конструкцию и проглотил её, словно и не было. Часы показывали 18-05.

Снимок, который я привожу в тексте, сделан мной секунд через 8- 10 после этого удара. На нём селевой вал уже осел и потерял в скорости, как- никак сооружение было противоселевым.

Стало холодно, я сидел верхом на своём рюкзаке, а волны селя всё шли и шли, выбрасывая из своего чрева огромные глыбы гранита, и ударяя их друг о друга с такой силой, что в мгновенно наступивших сумерках сверкали огненные сполохи. Пахло палёным камнем, сыростью и чем-то ещё, чего я ни до, ни после этого никогда в горах не ощущал, и не было ни одного отдельного звука, всё слилось в непрерывный, тяжкий гул заполнивший, казалось, весь этот мир без остатка. Всё пространство перед плотиной, на котором легко размещались парк большегрузных самосвалов, растворный узел со складами, камнедробилкой, кучами щебня, экскаваторами, бульдозерами и прочей дорожной техникой, административный корпус и бытовые

вагончики строителей- всё это теперь было накрыто живой чёрной массой, которая на глазах росла, растекалась и дышала как сверхестественное «Нечто», готовое поглотить всё и вся.

Не знаю, сколько я просидел, почти не двигаясь, думаю, совсем недолго. Я не чувствовал страха, мне не хотелось убегать или прятаться. Я просто не мог оторвать взгляд от происходящего. Леденила душу мысль: «Неужели все погибли? Этого не может быть». И ещё одна мысль: «Теперь я буду жить долго».

До турбазы оставалось метров 600- 700. Оставив рюкзак в придорожных кустах, я в считанные минуты преодолел это расстояние и с трудом узнал то, что еще недавно было турбазой Горельник. Половины турбазы вообще не было. Коттедж, в котором я жил, исчез, даже место, где он стоял, срезало как ножом. Кругом всё было усеяно обломками гранита и залито грязью, а на плацу в неестественных позах лежали два человеческих тела без признаков жизни. Я поочередно осмотрел оба трупа, это были мужчины, очень молодые мне, не знакомые, видимо, из последнего заезда.

Они лежали ничком метрах в пяти друг от друга с раздробленными черепами в лужах свернувшейся, но ещё жидкой крови, признаков трупного окоченения ещё не было. Разумеется, никаких вопросов о причине и времени наступления смерти не возникало, тем не менее, я понимал, что не следует перемещать тела погибших и даже просто переворачивать их на спину. Всё, что можно было сделать для этих мальчишек, это чем-нибудь накрыть их изрубленные гранитом тела. Я направился к главному двухэтажному корпусу, в котором не осталось ни одного целого окна, а стены были иссечены так, будто в них палили картечью. Там, в одной из комнат, я снял с кровати два матраца, вернулся и накрыл ими ещё не остывшие тела тех, кто ехал сюда не умирать, а радоваться жизни. Утешало только одно - они не мучались, их смерть была практически мгновенной.

Я находился на разбитой турбазе не более 15 минут, но и этого времени было достаточно, чтобы понять очевидное: соседство турбазы с противоселевым сооружением стало роковым для неё. Таран селевого

вала в бетонно-стальной монолит был подобен взрыву мощнейшей бомбы, жертвой которого и стала турбаза Горельник. Для демонстрации сказанного привожу на странице 25 две фотографии, снятые с одной точки, но в разное время. Думаю, что комментировать их не имеет смысла.

Ещё минут десять я бродил по развалинам, заглядывал в уцелевшие корпуса, но нигде не встретил ни одной живой души, погибших, к счастью, тоже. Никого, только непрерывный, всеподавляющий рёв селя, которому, казалось, не будет конца. Я находился на террасе столовой, в верхней части турбазы, когда услышал оклик, обернувшись, увидел Михаила Грозу (о нём упоминалось выше). Он шел в мою сторону по террасе в сопровождении двух молодых людей. Это были брат Михаила (он же мой стажер) и Валера - инструктор группы, которая должна была сегодня вечером покинуть турбазу. Мы обнялись, и некоторое время молча стояли. Валера плакал, при этом у него было какое-то странное выражение лица, как будто он всё время подмигивает. И тут я понял, что он просто не

может открыть левый глаз (в медицине это называется «птоз»). Дело в том, что после перенесенного гриппа левое веко у Валеры было слегка опущено, («полуптоз») и это придавало его лицу лукавое выражение. Раньше мы иногда подшучивали над ним, особенно если находились в компании с девушками. Теперь же глаз перестал открываться совсем. Но как выяснилось, плакал Валера не по этой причине, а потому, что почти половина туристов его группы погибла. Когда ударил сель, они находились в камере хранения, забирали свои личные вещи. От помещения, в котором помимо камеры хранения были продуктовые и вещевые склады, не осталось даже фундамента.

Я знал в лицо всех туристов этой группы, а многих хорошо помнил по именам, потому что в течение 6 дней в горах мы с Валерой шли параллельными маршрутами, и у нас были совместные днёвки и ночёвки, а на поляне «Альпийская Роза», в ущелье «Левый Талгар», мы проводили соревнования по туристской технике, вручали детям призы, готовили совместный праздничный ужин. И вот такое страшное известие- это

были дети, 8-10 класс. Я не мог сдержаться слёз.

На странице 27 фотография группы Валеры, сделанная мной за день до прохождения селевого потока. Кто из этих детей остался жив, а кто погиб, знают только их родители, да мы с Валерой. А те, кому по долгу службы было положено сделать эту информацию достоянием общественности, потому что замалчивать такое, по меньшей мере, безнравственно, напечатали в республиканских и некоторых центральных

газетах небольшие заметки о прохождении в Малоалма-атинском ущелье мощного паводка, без жертв и разрушений, разумеется. Бог им судья. Зато много писалось о достоинствах плотины, спасшей Алма-Ату, и ни слова о конструктивных недостатках этого действительно, уникального противоселевого сооружения.

Мы ещё некоторое время постояли на террасе. Миша сказал, что на продуктовых складах должен был в это время находиться шеф-повар турбазы дядя Федя (так звали его все инструкторы), он всегда лично присутствовал при выдаче продуктов на кухню. В дальнейшем это предположение подтвердилось, вместе с дядей Федей погибла его жена- повар и ещё пять человек: сотрудники кухни, камеры хранения, и складов. Ни один инструктор или стажер не стал жертвой селя.

Со слов моих друзей ситуация на турбазе складывалась такая: после атаки селя, обрушившегося как гром среди ясного неба, все, кто был на территории и в корпусах, в панике бежали на склон через речушку Горельник. Там, на приличном удалении

от эпицентра катастрофы, была большая и очень удобная поляна, пригодная для организации временного лагеря. В настоящее время все инструкторы и стажеры (всего человек 12) были заняты тем, что собирали по склонам и лесам перепуганных насмерть детей, и вели их на эту поляну. Саму территорию турбазы прочёсывали уже второй раз, но кроме двух трупов на плацу здесь никого уже не было.

От ребят я узнал, что из начальства на турбазе никого нет. Директор незадолго до селя вместе со своей женой (она работала на турбазе регистратором) спустились в город, а старший инструктор, как я уже говорил, находился в горах на маршруте. Единственным представителем нашего городского начальства, принявшим участие в спасательных работах на турбазе, был А.А.Чукреев, но он прибыл к нам уже под утро.

В школе инструкторов из личного состава на территории турбазы были лишь её начальник Виктор Матвеевич Зимин и несколько человек курсантов. Необходимо было составить план действий на бли-

жайшие часы, и мы отправились искать В.М.Зими́на, как самого опытного и авторитетного.

Как мы и ожидали, Виктор Матвеевич находился в самой гуще событий на той самой поляне, куда стекались уже оправившиеся от первого шока туристы. С громкоговорителем в руках (по нашему «матюгальником») он энергично передвигался, раздавая команды, и, то и дело, бросал этот прибор в траву, чтобы осмотреть и ощупать того или иного дрожащего всем телом подростка. Я, как новоиспеченный врач, тут же вспомнил курс военно - полевой хирургии, самым первым этапом которого был вынос с поля боя и сортировка раненых. К счастью, по настоящему раненых (перелом и серьезные ушибы мягких тканей и внутренних органов с подозрением на внутреннее кровотечение) оказалось неожиданно мало: сель либо убивал, либо шадил, но погибших не оставлял - уносил с собой. Они и ныне там, под плотиной, в братской могиле. Сколько их? Этого не знает никто.

Первая скорая медицинская помощь подъехала к турбазе примерно через час

после атаки селя, вначале «Волга», затем «Рафик». Они забрали раненых (всего человек 5-6) и увезли в город. Потом приехала ещё одна «Волга» и оставалась на дороге метрах в ста от поляны до самого утра. Там же дежурил наряд милиции на мотоцикле «Урал».

Когда стало ясно, что оставшимся в живых уже ничто не угрожает, было решено силы спасателей разделить на две группы: стажёров, курсантов школы инструкторов и преподавателей физкультуры оставить на поляне и поручить им установку палаточного лагеря и организацию питания туристов, а всех инструкторов разбить на связки- двойки и провести ревизию самой кромки селевого русла вдоль всей турбазы и ниже по течению (это около 300 метров) с целью обнаружить выживших. Работа на самом краю селевого русла представляла собой большую опасность, поэтому это решение было принято коллегиально на совете инструкторов под председательством В.М.Зими́на.

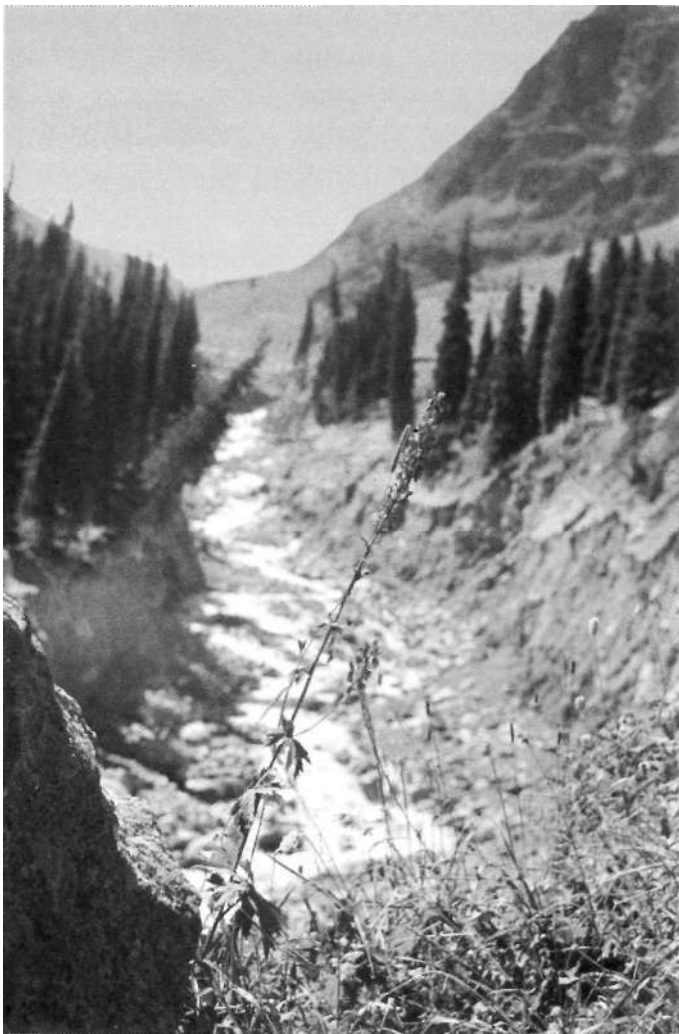
В чём конкретно заключалась эта опасность понять не трудно, если иметь эле-

ментарное представление о селевом потоке, как таковом. По своей сути селевая масса это полужидкая смесь крупно- и мелкогалечника с песком и глиной, в которой во взвешенном (подвижном) состоянии находятся валуны и фрагменты скал объемом до 20-40 кубометров. По консистенции сель несколько жиже и поэтому подвижнее обыкновенного раствора бетона, применяемого в строительстве. Скорость движения селевого потока зависит от разных факторов, прежде всего, от крутизны траектории, при этом, чем больше масса селя, его объём, тем выше его скорость. Так, вал селевого потока высотой 30 метров (очень большой сель) движется намного быстрее, чем вал высотой 5 метров. Крупные фрагменты селя за счет своей колоссальной массы могут развивать скорость до ста километров в час и более, играя роль тарана и бульдозера. Сель не течет по земле как речка, пусть даже очень большая и бурная. Селевой поток поднимает и вовлекает в движение само дно ущелья, весь осевший за многие столетия грунт, обнажая пласты коренных пород и оставляя за собой глубокий кону-

сообразный каньон. Поэтому вал селевого потока растет как снежный ком с каждым пройденным километром. Так ведет себя сель на крутых участках ущелья. При выполаживании траектории движения, прежде всего, теряют скорость крупные фрагменты, затем средние и мелкие, и, в конце концов, течет просто очень-очень грязная вода. Да, и ещё, совсем забыл: сель не любит поворотов, он их срезает, в буквальном смысле слова.

Теперь читателю должно быть ясно, что представляет собой кромка живого селевого русла (фото на стр. 34 селевой каньон через 15 дней после прохождения селя). Это самый край вновь образованного каньона, глубиной до 40 метров, с очень крутыми и зыбкими берегами, готовыми в любой момент сползти вниз и слиться с бешеным грязекаменным потоком.

Перспектива оказаться на дне каньона нас, разумеется, не устраивала, поэтому, пока первый номер связки метр за метром с помощью ледоруба прощупывал берег, то и дело проваливаясь чуть не по пояс в грязевые полыньи между огромными валунами, второй номер с помощью тех же валунов и основной верёвки страховал его

на случай срыва. При этом все мы хорошо понимали, что если произойдет оползень, то на дне каньона окажутся и страшущий и страхующий. Но об этом мы старались не думать.

Так постепенно, меняясь номерами, мы спустились уже значительно ниже уровня турбазы и поочередно стали вылезать на невероятных размеров валун, часть которого утонула в грязи, а противоположный край, удаленный от русла, опирался на почти сухие камни, торчащие из твердого грунта. Видимо, уже на излете, теряя скорость, валун этот упал на твердый берег да так и замер, уткнувшись в береговую, скалу (сейчас на этой скале закреплена небольшая мемориальная доска, повествующая о славном прошлом турбазы Горельник в годы ВОВ, см. фото на стр. 35)

Мы сидели на валуне весом, наверное, тонн 30, не менее, настроение было скверное. Не то, чтобы мы уж очень надеялись обнаружить здесь хоть одну живую душу, и конечно, нам не было жаль потраченных сил, но маленькая, совсем призрачная надежда всё-таки была. И вот, ничего

и никого. Да разве в таком месиве могло остаться хоть что-то живое? Эти громадные валуны! Стоит им просто слегка повернуться, и они раздавят человека как муху. А тут такие скорости были, что молнии сверкали, и гранит хрустел, как рафинад... Эх, сейчас бы по стакану водки каждому и в баню, а тут сидим, считай в болоте, ног не чувствуем. Грязька то явно не лечебная, с ледников приплыла, градусов 5-7 по Цельсию, не выше.

Надо было возвращаться на поляну. Валера, как сидел на грязном валуне, так на пятой точке и съехал с него аккуратно на то

место, где валун, как лбом, уперся в незыблемую скалу, уходящую в толщу коренных гранитных пород. Съехать- то он съехал, но как- то странно притих и даже лёг на землю, как будто пытаюсь расслышать что-то сквозь уже не такой оглушающий но, по прежнему могучий рёв селя. Я смотрел на эти его телодвижения и внезапная догадка как ветром сдула меня, а затем и всех остальных с этого громадного камня. На тыльной стороне валуна рев селя был гораздо слабее, и я достаточно внятно услышал голос. Он исходил из неширокой, не более 30 сантиметров, щели между нашим валуном и твёрдым грунтом. Это не был крик или плач. Женский, почти детский голос что-то быстро- быстро говорил, но я смог разобрать только слова: «дяденька» и «пожалуйста».

Шёл девятый час вечера, солнце уже давно свалилось за Мохнатку, но западный склон ущелья и пик Абая ещё отражали малиновый свет заката, и видимость была сравнительно не плохая. Минут десять мы молча, с остервенением рыли землю вдоль этой щели, пустив в ход все шесть ледо-

рубов. Перед валуном образовалась неглубокая яма, щель стала шире сантиметров на 20, и мы уже выгребали землю непосредственно из-под камня. Сделать щель ещё шире было невозможно, глубже шёл скальный грунт, но и этого было вполне достаточно, чтобы самый здоровый из нас мог заползти под камень. Пространство под валуном оказалось даже больше, чем сама щель. Неровность поверхности камня создавала некое подобие свода, что позволяло поднять голову и даже работать руками. Под этим сводом, примерно в метре от щели, на животе лицом к нам лежала девочка лет пятнадцати, руки её были свободны, видны были плечи и спина, но дальше свод смыкался с поверхностью крупных камней, выступающих на 5-10 сантиметров из грунта. Обе ноги девушки на уровне средней трети бедра оказались зажаты между гигантским валуном и этими камнями. Фактически вся эта многотонная машина лежала на её бёдрах.

Несмотря на перепачканное грязью лицо я узнал эту девочку, её звали Оля, это была туристка всё из той же злосчастной группы

инструктора Валеры. Убегая от селя, она споткнулась и упала в нескольких метрах от спасительной скалы, за которой можно было укрыться, и в тот же миг невероятная тяжесть обрушилась на неё сверху...

О том, чтобы просто вытянуть её из под камня, нечего было и думать: гранитные челюсти сомкнулись на её бёдрах с силой в 30 тонн. Вариантов было только два: либо поднять этот гигантский валун, либо ампутировать нижние конечности в пределах здоровых тканей, то есть почти по самый пах. Но даже для такой несложной операции технических возможностей не было. Отчаяние бессилия, вот чувство, пришедшее на смену радости, охватившей нас в первые четверть часа с момента обнаружения Оли. Мы по-прежнему суетились возле этого валуна, но толку от этого не было никакого. Разумеется, Олю, как могли, отвлекали разговорами, ни на минуту не оставляя одну, поили сладким чаем, я сделал ей инъекцию двух кубиков промедола (за неимением морфина). Но время работало против нас, проходил час за часом, а положение не менялось. И только уже под

утро, часа в 3 по полуночи прибыла команда контрольно-спасательной службы (КСС) во главе с её начальником мастером спорта СССР по альпинизму и скалолазанию Олегом Космачёвым. Они привезли с собой пять мощных домкратов, быстро оценили обстановку и сделали несколько попыток приподнять валун и освободить пострадавшую. Долгих два часа камень не отпускал Олю, вместо того, чтобы приподняться, он сползал то в одну, то в другую сторону, принося ей невероятные страдания.

Уже рассвело, когда, наконец, удалось её освободить. На оба бедра выше места сдвигания немедленно были наложены жгуты. Всё, что было ниже жгутов, представляло собой две широкие ленты синюшно-красного цвета толщиной не более 3-х сантиметров. Общая кровопотеря была незначительна, этим я объясняю то, что пострадавшая ни разу (пока мы с ней общались) не потеряла сознание. В общей сложности Оля провела под камнем без малого 12 часов при температуре окружающей среды около 10 градусов по Цельсию. Мой диагноз был такой: синдром длительного сдавливания ниж-

них конечностей и общее переохлаждение. Увезла Олю бригада хирургов, среди которых я узнал ассистента кафедры госпитальной хирургии АГМИ. Руководил кафедрой в то время профессор М.Брякин, хирург с огромным фронтовым опытом - это вселяло надежду на благоприятный исход.

Наступило утро 16 июля 1973 года, и нужно было считать потери. Казалось бы, чего проще: построить личный состав на поляне, провести переключку и сравнить её результаты со списочным составом. Так мы и сделали. По данным регистратуры в горах на маршруте должно было находиться около 60 туристов, а на турбазе около 280 (через столько лет более точных цифр привести не могу). На построении присутствовало около 150 человек...

Не думаю, что разница в 130 человек и является числом погибших туристов, потому что многие алма-атинцы не присутствовали на утреннем построении. Сразу после катастрофы они покинули турбазу и спустились в город, ещё вечером. Лично моё мнение таково: на турбазе Горельник 15 июля 1973 года в селевом потоке погибло 7

сотрудников турбазы и около 50 туристов. Более точные данные наверняка есть в КГБ (сейчас КНБ), но они их ни когда не опубликовывали.

Сразу после построения я передал повязку дежурного инструктора своему другу Михаилу Грозе. Так закончилось моё дежурство по турбазе Горельник, последнее в жизни самой турбазы, просуществовавшей 42 года. Ибо уже к обеду к нам приехал товарищ Жаксылыков - председатель областного совета по туризму и объявил, что отныне турбазы больше нет, она подлежит списанию, а оставшиеся без работы инструкторы поступают (добровольно) в распоряжение КСС (контрольно-спасательная служба). Щедрой рукой товарищ Жаксылыков даровал нам казённое горное снаряжение, каковое на этот момент находилось у каждого из нас. Мне на память о Горельнике достались: выдавший виды абалаковский рюкзак, ледоруб, 30 метров основной верёвки и отрикованные горные ботинки (почти новые).

Через две недели (именно столько ещё продолжались спасательные работы в Мало-

алма-атинском ущелье) я, купив несколько роз и кое-каких фруктов, пришёл на кафедру госпитальной хирургии в первую городскую больницу в надежде увидеть Олю живой. Там мне сказали, что она умерла через три дня после операции. Полностью отказали почки.

P. S.

Никогда ранее я не предлагал вниманию публики ничего, что было бы связано с моими личными переживаниями. Сегодня я это сделал. Это, конечно, возраст.

